

Приведенным материалом, естественно, не исчерпываются праславянские лексические диалектизмы ю.-слав. языков. Предлагаемые нами наблюдения носят скорее предварительный характер и призваны расширить и дополнить уже полученные результаты в этой области исследований (ср. работы И. Поповича, Ф. Безлай). Только широкое и всестороннее изучение славянской лексики может дать надежную основу для реконструкции лингвистической карты праславянского языка.

Ж. Ж. Варбот

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

(**opoka; *nadovъсь и *nadovъсьть; *žežel'ь;*
**kobica, *zakovēнь и др.;*
**xorošъյь и *xorxoriti se)*

**opoka*

Праславянская лексема **opoka* (такая реконструкция бесспорна во всяком случае для позднепраславянского периода) имеет продолжения почти во всех славянских языках: ст.-слав. *опока* 'скала, камень', словен. *oprka* 'вид известняка', ст.-чеш. *opoka* 'скала, камень', чеш., словац. *orioka* 'вид известняка', польск. *opoka* 'скала, камень', кашуб. *opoka* то же, а также 'толстая женщина', рус., укр. *опока* 'вид известняка, мергель', 'рама для литеиной формы', блр. *апока* то же. Возможно, наличие значения 'рама для литеиной формы' явилось поводом для разработки этимологического толкования слова **opoka* как производного от **pekti*, т. е. **obroka*, с первичным значением 'каменный очаг'¹. От этой этимологии и сейчас еще не отказались, хотя уже Преображенский выразил сомнение в ее семантической обоснованности². Махек в развитии своей версии опирался на чешско-словацкую форму слова — *orioka* — как на древнейшую. Поскольку известняк легко выветривается, трескается, крошится, Махек связал *orioka* с **rikati* 'трескаться', а форму с *o* (**opoka*) объяснил позднейшей ассимиляцией гласных³. Последняя по времени и, кажется, наиболее приемлемая из предложенных этимология принадлежит А. Е. Супруну. Принимая семантическую мотивировку названия известняка, предполагаемую Махеком, Супрун считает, однако, **opoka* древней формой, связанной по происхождению с **rok-* 'трескаться, раскалываться, расцепляться', являющейся

¹ Miklosich, S. 235; Berneker -- IF B. 9, S. 364.

² Преображенский I, с. 653.

³ Machek², с. 416.

изначальным вариантом *ruk- того же значения⁴. Это толкование также означает реконструкцию раннепраславянского *obroka.

Хотя последняя этимологическая версия для *oroka, как уже было отмечено выше, представляется достаточно вероятной, следует, кажется, учитывать еще одно возможное направление этимологической ориентации этого слова. Это направление определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, частота появления в рефлексах праслав. *oroka значения 'вид известняка' побуждает сопоставить эту лексему со славянским названием извести *аръпо-/ *варъпо и отождествить их корни, членя *oroka как *op-ok-a. В *аръпо/*варъпо предполагается корень *ap-/*var-, восходящий к индоевропейским названиям воды — *ār- и *iup-, так что в слав. *ar- признается отражение и.-е. *ār-, а в слав. *var- — контаминация обоих рядов⁵. Сближеная *oroka с *аръпо, можно принять для *oroka в качестве источника и.-е. *ār-. Таким образом, *oroka оказывается непосредственно родственным группе др.-инд. ār- 'вода', хетт. *harpa* 'вода' и прус. *ape* 'ручей, речушка'⁶.

Вторым лингвистическим аргументом (после сближения с *аръпо/*варъпо) в пользу выделения в *oroka корня *op- < и.-е. *ār- 'вода' является специфическое значение oroka в кашубском языке: паряду со значением 'скала, камень', здесь фиксируется значение 'болото, торфяник, преимущественно у моря'⁷. Если учесть ст.-слав. *вапа* 'озеро, болото', с которым Брюкнер связывал польск. *шарпо* 'известь'⁸, то становится очевидной устойчивость, регулярность связи названий извести и болота (воды?) в славянской лексике. Брюкнер видел в связи ст.-слав. *вапа* 'озеро, болото' и польск. *шарпо* 'известь' один из случаев обозначения болота по цвету (ср. др.-рус. *вально* 'известь', но *валь* 'краска'). Однако такова ли диахроническая сущность этих отношений? Очевидно, следует обратиться к экстрагенетическому плану, что помогает обнаружить еще один, третий аргумент в пользу возведения слав. *oroka к гнезду и.-е. *ār- 'вода'. Набор значений в известных продолжениях праслав. *oroka таков, что ничто не препятствует принятию в качестве древнейшего именно значения 'вид известняка' ('опока' в собственно геологическом значении): отсюда логичен переход к обозначению скалы, камня и т. д. Известняк же (как и мергель, и опока) является одной из осадочных горных пород, образование которых тесно связано с разрушением более ранних пород в результате деятель-

⁴ См.: ЭСБМ I, с. 128—129. Там же прослеживается семантическое развитие *орока: 'скала' > 'камень', > 'тяжелый камень' > 'тяжелый предмет' и далее 'лежебока' (ср. брл. *апобка* 'тяжелый предмет, напр. бревно', *апочына* 'полено, которое плохо колется', *апока* 'лежебока, лодырь', а также кашуб. *ороха* 'толстая женщина').

⁵ ЭССЯ 1, с. 72.

⁶ См. об этой группе: *Pokorny I*, S. 51; *Топоров*. Прус. яз. A—D, с. 97—98. В последней работе подчеркивается «отсутствие корня, соответствующего прусск. *ape* (как и вост. балт. *ire*) в слав.» (с. 97).

⁷ *Lorentz. Pionor. III*, 1, S. 721 (*юоркбка*); *Sychta III*, с. 326.

⁸ *Brückner*, с. 601.

ности ветра и воды. Поэтому осадочные породы обычно обнаруживаются на склонах возвышенностей, в долинах рек, в бассейнах морей и озер. Представляется достаточно вероятным, что в названии подобной породы был использован корень с первичным значением 'вода'. Тогда, следовательно, диахроническая связь значений 'болото' и 'известняк' в **oroka* и **varpъ(po)* имеет направление, обратное предполагаемому Брюкнером, а именно: 'болото' (*'вода') → 'известняк', так что 'известняк' собственно этимологически *'(находящийся) у воды', '(связанный) с водой'.

Итак, в слав. **oroka* можно видеть образование с корнем *or-* < и.-е. **är-*. Этот корень соединен с суф. -*oka*. Суф. -*oka* в славянской лексике редок: его предполагают лишь для *osoka*⁹. Но зато достаточно распространены образования с генетически тождественным суф. -*okъ*:ср. *ědokъ*, *vědokъ*, в том числе отыменные: **inokъ*, **blizokъ*, **berzokъ* и пек. др.¹⁰ Впрочем, **blizokъ* имеет парное соответствие в -ā-основах — **blizoka* (др.-рус. *близока* ' свойственница')¹¹.

Менее вероятно участие в образовании слав. **oroka* суф. -*ok-*, генетически тождественного **oko* 'глаз' и образовавшего прилагательные типа **vys-okъ* со значением '*'имеющий вид . . . '.

Предлагаемое этимологическое толкование слав. **oroka* означает признание данной реконструкции не только для поздне-, но также и для раннепраславянского периода.

Появление и во втором слоге чеш., словац. *orika* является в таком случае следствием контаминации (или народной этимологии) с глаг. **ríkati*.

О. Н. Трубачев обратил мое внимание на гидронимы *Anaka*, *Anajsa*, которые толкуются как заимствования из иран. **āraka-* (от **är-* 'вода')¹². Эти гидронимы, восходящие к тому же индоевропейскому корню, который предполагается выше для слав. **oroka*, примечательны еще своим суффиксом, сходным с суффиксом славянского слова. Однако **oroka* отличается от гидронимов своим начальным (корневым) гласным. Поэтому нет оснований видеть в **oroka* такой же иранизм. Речь может идти, вероятно, об образовании слав. **oroka* в период тесных контактов праславянского и иранских языков, что отразилось в общности структур слав. **oroka* и иран. **āraka-*.

**nadowъsъ* и **nadowъsъnъ*

В верхнелужицкой лексике есть интересное образование — *nadows*, род. ед. -у ж. р. 'деревенский луг, выпас', которое Пфуль охарактеризовал (очевидно, правильно) как производное от *wjes*

⁹ Słownik prasłowiański I, с. 92.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЭССЯ 2, с. 120—121.

¹² Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 222.

'деревня' ¹³. Есть и прилагательное, производное от *nadows*, — *nadowsny* 'находящийся на деревенском лугу, на выпасе'. Структура имени *nadows* отличается скоплением приставок: *na-* + *do-*, что, впрочем, представлено в верхнелужицкой лексике и другими образованиями: ср. *nadobyc* 'приобретать, получать, прибывать', *nadobytk* 'прибыль, выгода', *nadostać* 'получать в большом количестве'.

Наличие чеш. *náves* 'деревенская площадь' позволяет, по мнению О. Н. Трубачева, видеть в *nado-* верхнелужицкой лексемы префикс *nadъ*, как развитие первичного *na-*. Однако в качестве префиксального развития *na-* выступает, как правило, *nade-*, а не *nado-*¹⁴. Затруднительно было бы объяснить вокализацию *nadъ* > *nado-* в верхнелужицком.

В.-луж. *nadows* с его достаточно прозрачной структурой и семантикой может быть ключом к этимологизации некоторых восточнославянских лексем. Прежде всего, это блр. *надбөвень* 'участок поля возле деревни'¹⁵. Значение, очевидно, очень близко к значению в.-луж. *nadows*. Частично совпадает и структура. Поэтому можно думать, что белорусская лексема родственна лужицкой, хотя и отличается, вероятно, последним компонентом основы: блр. *надбөвень* восходит к **na-do-увъь-нь*, т. е. структурно максимально близко к в.-луж. *nadowsny*. Возможно даже, что **na-do-увъь-нь* представляет собою субстантивацию прилагательного, к которому восходит в.-луж. *nadowsny*. Фонетические преобразования формы **nadoувъьнь*, приведшие к блр. *надбөвень*, заключались, очевидно, в явлениях падения редуцированных и изменении возникшего в результате этих явлений сочетания *sp* в заударном слоге в *n*. Правда, это изменение весьма необычно. Что касается скопления префиксов, предполагаемого в слове, то и для белорусского языка это допустимо: ср. *надбэрку* 'вслед, следом'¹⁶.

Другая восточнославянская лексема еще более близка к верхнелужицкой по структуре, но отлична по значению: это рус. брян. *надбөвесь* 'недавно' (*Надбөвесь ён свадьбу гуляў*)¹⁷, смол. *надовись* 'позавчера', 'третьего дня'¹⁸. Но так ли велико в действительности различие значений 'деревенский луг, выпас' (в.-луж. *nadows*) и 'недавно' (рус. *надбөвесь*, *надовись*)? Судя по семантике блр. *надбөвень* 'участок поля возле деревни' и по словообразательной связи в.-луж. *nadows* с *wjes* 'деревня', в значении 'деревенский луг, выпас' стержневым, определяющим был момент пространственной близости к деревне. В значе-

¹³ *Pfuhl*, S. 394.

¹⁴ См.: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Sest. F. Kopečný. Praha, 1973, с. 127.

¹⁵ Яшкін, с. 119.

¹⁶ Шаталава Л. Ф. Беларускае дыялектнае слово. Мінск, 1975, с. 109.

¹⁷ Расторгуев, с. 165.

¹⁸ Картотека СРНГ.

ний же 'недавно' очевидна определяющая роль близости темпоральной. Связь пространственных и темпоральных значений и нередко их совместимость в родственных лексемах может быть проиллюстрирована материалом различной диахронической глубины:ср. рус. *даве* 'недавно', словен. *dáve* то же, н.-луж. *dáwe* 'прежде, недавно, давно' и др.-инд. *dávīya-* (сравн. степ. от *dūra-* 'далекий, дальний'), хетт. *tuwa* 'вдали', *tuwaz(a)* 'издали'; рус. *близкий* 'недалекий в пространстве' и 'недалекий во времени'; *далекий край и далекое прошлое; около города и около семи часов; покамест*. Следовательно, для рус. *надовесь, надовись* можно предполагать развитие значения 'недавно' на базе первичного 'близко (от деревни)'.

Предложенная гипотеза относительно родства в.-луж. *nadows, nadowsny* с блр. *надовень* и рус. *надовесь* имеет своим логическим следствием признание праславянской древности образований **nadovъsъ* и **nadovъsъпъ*.

**žežel'*

В этимологические статьи, посвященные праслав. **žbzlъ*, неоднократно вплетался семантически близкий материал, не совместимый, однако, с **žbzlъ* по вокализму. Это прежде всего с.-хорв. *žeželj* = *žeželj* 'палка, к которой пастухи привязывают своих собак', включенное Фасмером в статью *жезл*¹⁹, и ст.-слав. *жажалъ* 'collare'. Уже Миклошич обособил, однако, эти лексемы от **žbzlъ*, поместив их в своем словаре под заглавным **žežъlъ*²⁰. Брюкнер присоединил к нимпольск. *zqzel* 'сворка', истолковав его как результат преобразования (вследствие мазурения) формы **žqzel*, Брюкнер реконструировал для всей группы исходный корень **geng-* и отождествил его с корнем лит. *žengiu* 'идти', нем. *Gang* и т. д.²¹ Реконструкция корневого вокализма **ę* была принята Скоком, который счел это решающим свидетельством генетической обособленности рассматриваемой группы от праслав. **žbzlъ*. Но, признавая корень **geng-*, Скок усомнился в его тождественности корню группы лит. *žengli*, указав на их семантическое несоответствие. Отверг Скок и толкование Даничича (от **žeti, *žymq*)²². Фасмер, включив с.-хорв. *žeželj* в статью *жезл*, выделил в самостоятельную статью группу рус. смол. *жажель* 'тяжелая обязанность, бремя, обуз', др.-рус. *жажель* 'цепь', ц.-слав. *жажалъ* 'collare' и охарактеризовал всю группу как этимологически темную²³.

Еще один спорный вопрос касается отношения к слав. **žbzlъ* и **žežel'* болгарской лексемы *жегъл* 'поперечный прут в ярме'. Миклошич осторожно присоединил ее к группе **žežъlъ*. Брюкнер также ввел болгарское слово в группу родственных спольск.

¹⁹ Фасмер II, с. 40.

²⁰ Miklosich, S. 409 (*ženžilj*).

²¹ Brückner, c. 647.

²² Skok III, c. 679.

²³ Фасмер II, с. 33.

zəzəl, его точку зрения принял и Скок. Другая этимология болг. *жегъл* разработана О. Н. Трубачевым. Рассматривая праслав. **žbzlъ*, Трубачев счел неправомерным возведение к этому гнезду также чешских *žehlo*, *žehle* 'шест в сетях' (такова была точка зрения Махека²⁴) и, объединив чеш. *žehlo* с болг. *жегъл*, истолковал их как производные от **žegti* 'жечь' (поскольку болгарское слово иногда обозначает железный прут, используемый для прожигания отверстий в дереве)²⁵. Идентичную этимологию болг. *жегъл* предлагает и болгарский этимологический словарь под ред. В. Георгиева²⁶. Махек же во втором издании своего словаря связал болг. *жегъл* с чеш. *jehla* (praslav. **jygъla*), констатировав неясность при таком толковании болг. *ж* (для чеш. *žehlo* автор предполагает родство с лит. *gēgnē* 'стропило' и далее — с лит. *krākē* 'палка' и чеш. *krokev* 'стропило')²⁷.

Вопрос о лексическом наполнении группы, соответствующей реконструкции **žežel'*, в значительной степени решается применением к каждой лексеме фонетического критерия. Очевидно, что он определяет генетическую несовместимость **žbzlъ* и **žežel'* и принадлежность к последнему не только ст.-слав. *жажа́лъ*, др.-рус. *жажель*²⁸, рус. диал. *жажель*, польск. *zəzəl*, но и с.-хорв. *žéželj* = *žeželj* (где *e*, как отмечает Скок, никак не может быть рефлексом *ъ*, необходимого для **žbzlъ*²⁹). К этим отражениям праслав. **žežel'* в славянских языках следует присоединить еще рус. диал. донск. *жажбл* 'жердь, заменяющая цепь (или удлиняющая ее)', на которую сажают сторожевых собак'³⁰. По фонетическим же соображениям прежде всего сомнительна связь с этой группой болгарского *жегъл* и чеш. *žehlo*, так что наиболее реалистичной представляется в отношении этих слов точка зрения Трубачева.

Направление поисков генетического окружения праслав. **žežel'* должно определяться не только реконструированной формой корня (praslav. **žež-*<и.-е. **g(h)eng(h)-*), но и семантикой группы лексем, на базе которых реконструируется праслав. **žežel'*. Нельзя не согласиться со Скоком, что по семантическим характеристикам сопоставление **žežel'* с лит. *žeñgti* малоубедительно. Значения всех потенциальных продолжений праслав. **žežel'* на редкость однородны: ср. ст.-слав. *жажа́лъ* 'шейная цепь', др.-рус. *жажель* 'цепь, привязь для собак'³¹, с.-хорв. *žeželj* 'палка, к ко-

²⁴ Macheck¹, с. 594.

²⁵ Трубачев О. Н. Слав. *žbzlъ*. — В кн.: Езиковедско-этнографски изследвания в памет на акад. С. Романски. София, 1960, с. 139—140.

²⁶ БЕР I, с. 530—531.

²⁷ Macheck², с. 724.

²⁸ Собственно древнерусской может быть лишь форма *жажель* (например, в Великих Минеях-Четиях, XVI в., см. СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 79). Форма *жежель* (Русский Хронограф. 1512 г. — см. СлРЯ XI—XVII вв. 5, с. 79) отражает влияние ст.-слав. *жажа́лъ*.

²⁹ Skok III, с. 679.

³⁰ Филип 9, с. 60; Донск. словарь I, с. 148.

³¹ Срезневский I, стб. 840.

торой пастухи привязывают своих собак', польск. *zqzel* 'сворка', рус. диал. донск. *жажбл* 'жердь, заменяющая цепь (или удлиняющая ее), на которую сажают сторожевых собак', смол. *жажель* 'тяжелая обязанность, бремя, обуза' (последнее значение явно вторичное, переносное). Итак, речь идет постоянно о цепи или жерди, используемой для привязи собак. Это дает основания предполагать генетическую связь данного образования с названием части упряжи, ремня, разного рода петель, связок, привязей, а именно — с праслав. **gqžъ*. Семантика последнего хорошо характеризуется значениями соответствующих лексем в русских говорах: *гуж* волог., псков., вят., новосиб. 'веревка', псков. 'веревка, обмотанная сетью, употребляемая при ловле мутником или ершовой мережкой', тамб., ворон., ряз., сарат., куйбыш., свердл., новосиб. 'ремень, соединяющий бьющую часть цепи (било) с рукоятью', донск. *гужвá* 'скрученный прут, используемый для связывания чего-либо', псков. *гужéль* 'опускаемая под лед веревка, к которой привязан крюк с живцом', псков. *гужí* 'перекрученные сети', терск. *гужбвка* 'супонь', смол. *гúжки* 'веревки, с помощью которых привязывается к хомуту плуг или борона' и т. д.³². С точки зрения структурной связи с **žežel'* примечательно приведенное выше *гужéль*.

Индоевропейским источником праслав. **gqžъ* (и, следовательно, **žežel'*) является и.-е. **gengh-* 'крутить, плести' (др.-исл. *kengr* 'крюк',ср.-в.-нем. *kanker* 'паук' и др. германские образования)³³. В таком случае значение 'жердь, палка, используемая для привязи' (с.-хорв. *žeželj*, рус. *жажбл*) вторично по отношению к значению 'веревка'.

Относительно слав. **gqžъ* неоднократно высказывалось мнение о родстве с **qza*, причем *g* в **gqžъ* Якобсон объясняет как протетический звук³⁴. Предложенная гипотеза о родстве **gqžъ* с **žežel'* исключает возможность такого родства с **qza*, так как появление *g* протетического в **žežel'* (перед *ž*!) маловероятно.

**kobica*, **zakovéнь* и др.

Славянское этимологическое гнездо *(*s*)*kob-* (< и.-е. (*s*)*ke(m)jb-* 'сгибать, искривлять'³⁵) с семантикой 'нечто согнутое, крюк, крюкообразное соединение'³⁶ еще не реконструировано во всей его полноте. Едва ли не единственным его надежным представителем во всех славянских языках считается *skoba*³⁷, хотя, с друг-

³² Филин 7, с. 203—205.

³³ Pokorný I, S. 380.

³⁴ См. литературу вопроса: Фасмер I, с. 471.

³⁵ Pokorný I, S. 918.

³⁶ Махек описывает значение слав. *skoba* как 'железо, загнутое с двух концов таким образом, что их можно вставить куда-либо и тем самым прочно соединить два предмета' — см. *Machek*², с. 546.

³⁷ Ср.: Miklosich, S. 301 (*skoba*, без указания дальнейшего внутриславянского родства).

гой стороны, сюда предположительно относят целый ряд лексем, например: рус. диал. *кобёл* ‘высохшая коряга’, *кобень*, *кобёниться*, *кобёня* ‘крюк’, слав. **kobъ* (рус. *кобъ* ‘гадание по птичьему полету, предсказание, колдовство, пророчество’, болг. *кобба* ‘дурное предчувствие’ и т. д.)³⁸. Остается спорной связь с этой группой слов южнославянского глагола: с.-хорв. *kobacati* (*se*) ‘перевертываться’, словен. *kobacati* ‘ползать (на четвереньках)’, *kobaciti*, *kobecati* ‘кувыркаться’. Бернекер предположил родство этого глагола с рус. *кобень*³⁹, но Скок отнес его к числу производных от *bacati/baciti* ‘бросать, метать’⁴⁰.

Целью настоящей заметки является обоснование предположения о принадлежности к гнезду слов. *(*s*)*kob-* еще нескольких лексем различных славянских языков.

Начнем со словацкого диалектного прилагательного *kajbavej* ‘кривой, неровный (например, о доске)’⁴¹. Судя по записанным в том же районе *kajsavej* ‘кривой, неровный, согнутый’ (ср. *kosý*) и *pokejzat'i* ‘указать’⁴², рассматриваемое *kajbavej* должно восходить к **kabavý*. Его семантическая связь с гнездом *(*s*)*kob-* ‘гибать, искривлять’ вполне очевидна. Формально **kabavý* также может быть производным от этого корня, хотя требуют уточнения условия удлинения гласного в первом слоге (если *a* < **ə*). Судя по *kajsavej*, возможна ассимиляция по второму слогу. Не исключено и образование от глагола с корневым удлинением, типа итератива ***kabati*.

Кстати, в том же диалекте, что и *kajbavej*, зафиксирован глагол *okóbat'i sa, -ju sa* ‘вертеться, увишаться; колебаться’⁴³. Значения этого круга представляются выводимыми из ‘кривляться’, ‘кривиться’, так что этот глагол также принадлежит к гнезду слов. *(*s*)*kob-*. Его древнейшим прототипом должно быть **kobati*. Поскольку известны пары глаголов на *-ati* с корневой краткостью и корневой долготой (ср. **sъpati* — **-sypati*), соответствующей собственно итеративу, возможно предположение об образовании на базе **kobati* глагола **kabati*, послужившего производящей основой для *kajbavej*.

В чешской лексике реликтом гнезда *(*s*)*kob-* представляется глагол *kobiti se*. Он зафиксирован в чешской грамматике 1571 г. Яна Благослава в следующем контексте: *Káň bujný divně se kobí, bočí, nohami mese*⁴⁴. Значение глагола *kobiti se* здесь близко к рус. *кобениться* ‘упрямиться, ломаться, артачиться’.

³⁸ Фасмер II, с. 266, 267, 269—270; Трубачев О. Н. Следы язычества в славянской лексике. — Вопросы славянского языкознания, 1959, вып. 4, с. 138—139.

³⁹ Berneker, S. 532.

⁴⁰ Skok II, с. 117.

⁴¹ Matejčík. Východonovohrad., с. 243; ср. также аналогичную запись из Пученца в Картотеке диалектного словаря словацкого языка (Институт языкознания им. Л. Штура, Братислава).

⁴² Matejčík. Východonovohrad., с. 244, 390.

⁴³ Matejčík. Východonovohrad., с. 352.

⁴⁴ Kott I, с. 714.

С другой стороны, интересна последовательность глаголов в приведенном тексте: *se.. .kobí, bočí, nohami tese*. Не раскрывают ли два последние глагола конкретное содержание, наполнение значения глагола *kobiti se?* Нельзя ли толковать, в таком случае, *kobiti se* как 'упрямиться, избочиваясь, брыкаясь и роя землю копытами'? Такое толкование объяснило бы семантику рус. астраг. *кобицы* 'выбоины от лошадиных копыт'⁴⁵.

Впрочем, значение укр. *кобиц'a* 'ножка лавки, углубление под шестком'⁴⁶, явно связанного с рус. *кобицы*, свидетельствует о необязательности значения 'рыть землю'⁴⁷ для появления значения 'ямка, углубление'. Известно, что на базе семантики 'гибать' в индоевропейских языках в различных этимологических гнездах развиваются соотносительные значения 'выпуклость, кочка, гора' и 'выемка, углубление':ср. семантику и.-е. **kei-*, к которому восходят слав. **kirkъ*, **kira* 'кочка, холм' и др.-инд. *kīra* 'углубление', лат. *cūra* 'бочка'⁴⁸. Аналогичное развитие от значения 'гибать' к 'выпуклость' и 'углубление' возможно и в гнезде слав. **(s)kob-*. Поэтому помимо рус. *кобица*, укр. *кобиц'a* сюда может быть отнесено рус. диал. *кобблъ*, обнаруживающее значения обоих планов: донск. 'пень', терск. 'ствол дерева', южн. (*коблы*) 'островки на озерах, образовавшиеся из папосной земли вокруг вывороченных с корнями ольховых деревьев' и урал. 'яма', 'небольшая ямка' (ср. также *кобловатый* 'покрытый кочками (о местности)')⁴⁹. Сюда же следует присоединить *кобблюх* вост. 'кол, пень, надолба, коряга', яросл. 'высокая земляная возышенност при основании ольховых и ивовых деревьев, в которых прячется корень дерева (в торфяных болотах)' и 'глубокая лужа, бочаг'⁵⁰ и укр. *кобух* 'ямка, в которую сажают картошку'⁵¹.

Наконец, в белорусской лексике есть ряд приставочных образований, которые должны быть отнесены к слав. **(s)kob-*. Это *закубáнь* 'небольшая затока на реке'⁵², *закаббóка* 'изгиб реки, лука', *заканабоўка* то же, *закабаліна*, *забакóина* 'затока на реке', *закабéнь* 'места, вымытые на лугу водой и мешающие косьбе'⁵³, *закабá* 'углубление, щель', *закабáји* 'ухабы, рытвины, углубления'⁵⁴, *закабáек* 'узкий проход между двумя строениями наподобие пе-

⁴⁵ Филин 14, с. 15.

⁴⁶ Шило Г. Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, с. 246.

⁴⁷ Еще одним случием развития значения 'рыть землю' в гнезде слав. **(s)kob-*, возможно, является рус. диал. *кобéнить* 'обрабатывать землю' (см. Иванова. Подмоск., с. 203). Производящей основой могло быть *кобéнь* 'крюк, клюка' = **soxa*'.

⁴⁸ Рокорн I, S. 588—592.

⁴⁹ Филин 14, с. 15.

⁵⁰ Там же, с. 16.

⁵¹ Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, с. 41.

⁵² Бялькевич, с. 201; Яшкін, с. 72.

⁵³ Яшкін, с. 71, 66.

⁵⁴ Лексика Полесья, с. 35.

мощеного коридора⁵⁵ и (с переносным значением) *закабунка* 'закавыка, загадка'⁵⁶. Формирование значений этой группы, при учете сказанного выше, не требует объяснения. Следует лишь отметить, что к числу индоевропейских производных гнезда *(s)ke(m)b-, родственных слав. *(s)kob-, относят др.-исл. *hōr* 'небольшой залив'⁵⁷, что семантически близко к приведенным белорусским лексемам со значениями 'изгиб реки, затока'.

Наряду с упомянутыми приставочными образованиями зафиксировано и бесприставочное блр. *кабáня* 'яма с водой или без воды, на месте разрыва спаряда или добывания песка, глины'⁵⁸. Его суффиксальное оформление, а также суффиксальная структура *закабéнь*, *закубáнь* представляются наиболее близкими к структуре исходной древней лексемы, которая может быть реконструирована как *(za)kobēpъ (ср. и рус. *кобень*) или (что менее вероятно) *(za)kobanъ.

Решение вопроса о степени древности всех рассмотренных образований затруднительно вследствие их диалектной ограниченности. Более или менее надежна реконструкция праславянских источников для рус. *кобица* и укр. *кобиц'a* (*kobica), рус. *кобень*, блр. *закабень* и т. д. (*za)kobēpъ) и чеш. *kobiti se* (*kobiti, ср. с.-хорв. *skđbiti* 'встретить').

**xorošij* и **xorxoriti sę*

Вост.-слав. *xorošjъ* (рус. *хороший*, укр. *хорбий*, др.-рус. *хороши*) остается этимологически трудным словом, несмотря на многочисленность предложенных толкований. Фасмер счел наиболее вероятным предположение Мейе об образовании этого слова от др.-рус. *хоробръ*⁵⁹, но ни в структуре, ни в семантике *xorošjъ* нет следов предполагаемой зависимости. Более интересной представляется последняя, кажется, по времени этимология, предложенная В. П. Гудковым. Автор предполагает родство *хороший* с *короста* при условии, что появление прилагательного было связано с видом древних украшений, в которых использовалась зернь: на базе значения 'бугорчатый' (= 'зернистый') в производном прилагательном развилось значение 'украшенный', откуда далее 'красивый' и 'хороший'⁶⁰. И это толкование вызывает сомнения, поскольку зернь не называлась *короста*. Но именно в этой этимологии намечено наиболее перспективное направление поисков происхождения слова *xorošjъ*, так как здесь учтена специфика исходной семантики слова, а именно — обозначение обла-

⁵⁵ Каспярович, с. 117.

⁵⁶ Бялькевич, с. 201.

⁵⁷ Pokorný I, S. 918.

⁵⁸ Яшкін, с. 83.

⁵⁹ Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 21; Фасмер IV, с. 267 (там же см. критику других толкований).

⁶⁰ Гудков В. П. Три русские этимологии (*жайка*, *хороший*, *хмурый*). — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. V. М., 1966, с. 35—36.

дания по преимуществу внешними положительными качествами, красотой.

Приглядимся к значениям слова *хороший* в современном русском языке. В литературном языке оно характеризует предмет по признаку обладания самыми различными положительными качествами, но преимущественно внутренними: 'вполне удовлетворяющий по качеству, свойствам', 'опытный, искусный в своем деле', 'достойный (в моральном отношении)', 'заслуживающий одобрения, похвалы', 'доставляющий удовлетворение, радость', 'благородный, порядочный', 'достаточно большой, значительный, по величине', 'основанный на общих симпатиях, приязни, связанный дружбой' (при наличии оттенка иронии краткая форма *хорош* может значить 'очень сомнительных достоинств'), и лишь в краткой форме это прилагательное имеет значение 'красивый', например: Богат, *хорош* собою, Ленский везде был принят как жених (Пушкин)⁶¹. В просторечии и по диалектам значение 'красивый' возможно не только в краткой, но также и в полной форме прилагательного *хороший*. Ср. ряз.: На лицо красивая, *хорошая*. Какой сытый, мордастый был, *хороший*. А за *хорошего* выйдешь, нагоришься пуще⁶². Интересно, что производный от прилагательного глагол *хорошеть* оказывается семантически связанным именно со значением прилагательного 'красивый', поскольку глагол значит 'становиться красивее, интереснее, миловиднее'. А ведь в производных образованиях часто сохраняются связи с первичным значением производящего слова, так что значение 'красивый' прилагательного *хороший* может быть его древнейшим значением.

Последнее предположение подтверждается изучением фиксаций прилагательного *хорошии* в древнерусской письменности: ранее прочих, с XII в., засвидетельствовано значение 'красивый', ср.: покушати пера добро ль перо тверда ль рука добро ль ею писать *хороше ль* писмя (приписка XII в. в Уставе монастырском церковного служения XII в., л. 53)⁶³. Ср. несколько позднее значение 'прибранный, убранный': . . . видяще кълью его не *хорошю* ни пометену (Пандекти Никона Черногорца, по сп. XIV в., л. 22 г.)⁶⁴. Наречие *хорошо*, производное от *хорошии*, также в древнейших фиксациях имеет значение 'красиво', ср. . . . съсподи помостъ подписанъ велми *хорошо* (Описание Флоренции, из Русского летописца XV в.)⁶⁵. Значение 'красивый' у прилагательного *хорошии* прослеживается последовательно в XIV—XVII вв., о чем косвенно свидетельствует его сочетание с *красны* 'красивый', ср.: фряжской градъ *красенъ* и *хорошъ* добръ (Хожение инока Зосимы, XV в., список XVI в., X. 10), А тотъ городъ тово

⁶¹ Словарь современного русского литературного языка, т. 17. М.—Л., 1965, стб. 396—403.

⁶² Дальинский словарь, с. 587.

⁶³ Гарнотека СДР.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Грезневский III, стб. 1388.

краие и хороше, украшенъ всякими узорочьи и мудростими (Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай Сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году. — Изв. ОРЯС 1913, т. XVIII, кн. 4, с. 291) ⁶⁶.

С другой стороны, следует обратить внимание на появление у глагола, производного от др.-рус. *хорошии*, значения 'величаться, заноситься'. Сам глагол не сохранился, но об этом свидетельствует отглагольное существительное в Пандектах Никона Черногорца *хорошание*: . . . да ни деръзновенья ни *хорошанья* бещиньна къ старъцемъ отъ тѣхъ быти. тихо же бесѣды быти (л. 16б.) ⁶⁷. Продолжением этого глагола является блр. *харашибца* 'хвастать, чваниться'. В русских диалектах глагол *хорошиться* имеет значение 'украшаться, наряжаться', например:

Утушка полощется,
Девица *хорошится*,
Белится, румянится,
Бояре дивуются ⁶⁸.

Таким образом, самым древним засвидетельствованным значением прилагательного *хорошии* было 'красивый', а производные от этого прилагательного глаголы обнаруживают значения 'становиться красивее' (*хорошеть*), 'прихорашиваться' (рус. *диал.* *хорошиться*) и 'хвастать, чваниться, вести себя заносчиво'. На основе значения 'красивый' у прилагательного *хорошии* позднее развивается семантика обладания различными положительными качествами, как внешними, так и внутренними.

Рассмотренные семантические характеристики вост.-слав. *хорохъյ* и его форма позволяют поставить вопрос о его родстве с рус. *хорохбртися*. В отношении формы их сближение оправдывается общностью потенциального корня *хор-*. Для сопоставления же в семантическом плане необходимо рассмотреть значения глагола *хорохориться* и соотносительных с ним имен. В литературном языке и в большинстве диалектов *хорохориться* значит 'держаться заносчиво, задаваться, храбриться'. Глаголу родственно диалектное *хорохбря* 'задорный, хвастунишка' ⁶⁹. Но в некоторых говорах наблюдаются интересные отличия от такого употребления этой группы слов. Глагол *хорохориться* может применительно к курице значить 'хохлиться, надуваться', соответственно волог. *хорхбра* — 'растрапанная курица' ⁷⁰; *хорохора*, *хорхора* широко употребляются по говорам для обозначения различного рода тряпья: ср. калуж. *хорохорки* 'тряпье', курск. *хорхбрь* 'нечистые отрепья, висящие в поноженном платье' ⁷¹. Наконец,

⁶⁶ Картотека ДРС.

⁶⁷ Картотека СДР.

⁶⁸ Соболевский А. И. Великорусские народные песни, т. VII. Пб., 1902, с. 643.

⁶⁹ Даль² IV, с. 561.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Опыт, с. 250, 280.

в белорусских могилевских говорах *хыряхбня* обозначает человека, который прихорашивается с целью обратить на себя внимание⁷².

Учитывая это сочетание значений в группе *хорохориться*, *хорохора* и преобладающее направление изменения значений слов от более конкретного значения к более абстрактному, можно утверждать, что слово *хорохора* (*хорохоря*, *хорхора*) первоначально обозначало всякого рода торчащие перья, шерсть, тряпье, а соответствующий глагол *хорохориться* значил 'топорщиться, взъерошиться, нахоливаться (о птицах и зверях)'. Дальнейшее развитие значений этих слов представляется связанным с наблюдениями за поведением животных. Известно, что у птиц и зверей топорщающиеся, взъерошенные перья или шерсть являются элементами агрессивного поведения или брачного соперничества, величания (причем у многих птиц к брачному периоду отрастает особенно длинное и пышное оперение). Поэтому представляется естественным развитие в глаголе *хорохориться* на базе значения 'топорщиться' семантики 'заноситься, храбриться'. Далее, первобытные народы в своем танцевальном искусстве подражают поведению птиц и зверей, а в боевых и праздничных нарядах широко используют перья, зубы, шерсть и шкуры животных. Соответственно объясняется развитие значения существительного *хорохора* от 'торчащие перья, шерсть' и 'птица (зверь) с торчащим, взъерошенным оперением (шерстью)' к 'заносчивый, задиристый, хвастливый человек' и 'человек, который прихорашивается'. Появление последнего значения, зафиксированного для блр. диал. *хыряхбня* (от **хорохора*), свидетельствует о реальности для имен этой группы значения 'красивый'.

Таким образом, оказывается, что лексика группы *хорохориться* и группы *хороший* близка не только формально, но и семантически: значение 'красивый', являющееся древнейшим засвидетельствованным для *хороший*, возможно и в группе *хорохориться*, а значение 'заноситься, чваниться', характерное для *хорохориться*, появляется в глаголах, производных от *хороший*. Эта близость форм и значений позволяет думать, что *хороший* и *хорохориться* действительно образованы от одного и того же корня *xor-*. В глаголе этот корень удвоен, а в *хороший* корень осложнен суффиксом *-ox-*. Исторической грамматике этот суффикс известен, правда, лишь как средство образования имен существительных (ср. **ju-nosъz*), но представляется возможным образование от существительного с таким суффиксом производного прилагательного с суф.-*јь*.

Глагол *хорохориться* и соответствующие имена *хорохора*, *хорхора* также не имеют надежной этимологии⁷³. Установлено лишь, что эти образования могут быть праславянскими, так как

⁷² Бялькевич, с. 478.

⁷³ См. у Фасмера (IV, с. 267, 269—270) сомнения в предложенном Ильинским сближении с *шершавый*, *шорох*, а также весьма отдаленное сравнение с греч. *χύρωρος* 'острый, зубчатый', др.-ицл. *kháras* 'твёрдый, шершавый'.

близкая лексема обнаружена в сербохорватском языке — это диал. хорв. *na xohōrō* 'приподнято, в сборку' ⁷⁴. Что же это за корень, каково его значение? Слова с семантикой 'торчащие отростки, тряпье, перья, шерсть', очевидно, можно связать с обозначениями кожи, шкуры. Тогда ближайшим родственным для *хорохора*, *хорохориться* (и *хороший*) оказывается рус. диал. (тамб., ряз., арханг.) *хоравына*, которое обозначает сырую или высушенную снятую кожу или шкуру зверя и восходит к слав. гнезду **(s)kor-* < и.-е. **(s)ker-* 'резать, драть' ⁷⁵, а несколько более отдаленными по фонетической форме родственными для рассматриваемой группы являются слав. **kora*, **skora*, **skorupa*, **korsta* и др. названия коры, шкуры, кожи и прочих шероховатых поверхностей, так что *хорохориться*, *хорохора*, *хороший* включаются в обширное этимологическое гнездо слав. **(s)kor-*. Появление начального *x* в **xorxoriti sę*, **xorxora* и **xorošyjь* объясняется известным явлением метатезы в группе и.-е. *sk* > *ks* с последующим изменением *ks* > слав. *x*. Редупликация того же корня и с тем же значением, что рус. *хорохора*, но неполная (как хорв. *na xohōrō*) и с иной огласовкой — **e* — представлена в в.-луцк. *šešer* 'пучок, клок (волос, шерсти)'.

Возвращаясь теперь к семантике *хороший* и опираясь на его потенциальное родство с *хорохориться*, *хорохора*, можно утверждать, что древнейшее засвидетельствованное для прилагательного значение 'красивый' не было его первоначальным значением: скорее таковым могло быть 'топорщащийся, взъерошенный', откуда далее развились значения 'украшенный' (→ 'красивый') и 'заносчивый' (последнее не зафиксировано в прилагательном, но его следы сохранились в производном глаголе — ср. блр. *харашыца*, см. выше).

Примечательно, далее, существование словообразовательного варианта прилагательного *хороший* — *хоровитый*, который может быть свидетельством специфической близости прилагательного к слову *хоравина*. Это позволяет сделать еще один шаг в сторону углубления семантической реконструкции: общая семантика гнезда слав. **(s)kor-* и значение слова *хоравина* 'снятая кожа или шкура зверя' являются основаниями для предположения, что значение 'топорщащийся, взъерошенный' развилось из 'имеющий мех или оперение'. Эта семантическая реконструкция при фиксации в памятниках XII в. уже стадии 'красивый' побуждает отнести образование прилагательного **xorošyjь* к праславянскому периоду и считать его праславянским диалектизмом.

Предполагаемые в предложенном этимологическом истолковании группы *хорохориться* — *хороший* изменения и связи значений находят частичное соответствие в семантических отношениях слав.

⁷⁴ Толстой Н. И. Из географии славянских слов. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. М., 1965, с. 141—142.

⁷⁵ Этимологию рус. *хоравына* см.: Горячева Т. В. Заметки по этимологии русских народных метеорологических терминов. — В кн.: Этимология. 1977. М., 1979, с. 105.

вянского гнезда **čeperiti*/**čepirili*, **čerpyrъ*/**čerъrъ*: с глаголами словен. *čerériti se* 'топорщиться, нахохлиться', словац. *čeperit*' se 'топорщить перья', 'ерошиться', болг. диал. *чепéрим се* 'хорохориться, чваниться', польск. диал. *czpirzyć się* 'наряжаться странно, крикливо' родственны имена в.-луж. *čapor* 'хлам, старье', болг. *чépor* 'сук', укр. *чýper* 'хохол' и далее чеш. *čipr* 'х о р о ш е н ь к и й', рус. диал. *чепурнй* 'щеголевато одетый', укр. *чепурнй* 'аккуратный, чистый, опрятный, красивый', блр. *чепурнй* 'чисто, чопорно одевающийся'⁷⁶.

Таким образом, в формировании и развитии значений **xorxoriti se*, **xorxora* и **xorošyj* отразились наблюдения древних славян за поведением животных, представление о непосредственной связи между внешними украшениями, убранством и заносчивым поведением, а также развитие на основе понятия внешних достоинств, красоты понятия положительных качеств вообще, как внешних, так и внутренних.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. X*

(слав. **l'utъ*)

Общеславянское и праславянское прилагательное **l'utъ* не имеет надежной этимологии. Сближение с кимрским *llid* 'гнев, ярость', предложенное В. Стоксом¹ еще в конце прошлого века и обычно отражаемое во всех этимологических словарях (Бернекера, Преображенского, Фасмера и др.), в последнее время берется под сомнение многими исследователями. Уже Преображенский писал о **l'utъ*: «Не совсем ясно»². Славский также считает гипотезу Стокса ненадежной³. Покорный помещает славянское слово под индоевропейским корнем **lēut-*: **lut-* 'яростный, свирепый', который он реконструирует со знаком вопроса⁴. Однако в результате такой интерпретации **l'utъ* остается фактически в изоляции, так как приведенное здесь в качестве единственного индоевропейского соответствия кимр. *llid* восстанавливается им

⁷⁶ ЭССЯ 4, с. 55—56, 59, 60.

* Статьи I—IХ под этим же названием см.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1972. М., 1974; Этимология (1972—1978 гг.).

¹ Stokes W. Urkeltischer Sprachschatz, hgb. von A. Bezzenger (=Fick⁴ 2). Göttingen, 1894, S. 257.

² Преображенский I, с. 495.

³ Stawski IV, с. 391—392.

⁴ Pokorný I, S. 691.